Ленин против коммунизма.

Дошли до нуля.

Открывается 4 съезд совнархозов, А. И. Рыков заявил в своей речи: «Мы не имели конкуррентов, мы не терпели конкуррентов, мы их всегда убивали, умерщвляли путем реквизиций, конфискаций и т.д. даже в том случае, если конкурренты были более талантливы и толковы. Мы, пользуясь преимуществом государственной власти, всегда имели возможность их сьять, скинуть с поля экономической деятельности и экономической жизни».

К каким результатам могла привести экономическая политика, руководящаяся такими принципами—об этом свидетельствует в № 108 „Экономической Жизни“ некто В. И. Филиппович:

«Задача восстановления нашей промышленности превращается в большинстве в задачу восстановления от нуля. Некоторое исключение составляет лишь весьма незначительное и ограниченное количество предприятий и отраслей промышленности, на развитие каковых в форме государственных трестов экономически выгодно и государственно целесообразно затрачивать государственные силы и материальные ценности».

Эта экономическая политика нашла свое теоретическое оправдание в появившемся в 1920 г. труде Н. Бухарина „Экономика переходного времени“, который коммунистическими авторитетами был признан самым выдающимся произведением экономической литературы со времени „Капитала“. Я лично всегда находил, что оно имеет даже несомненное преимущество перед творением Маркса: его с одинаковой пользой можно читать и задом наперед.

Основное теоретическое открытие Бухарина заключалось в том, что социалистическая революция вовсе не сводится, как это социал-предательски думали Маркс и Энгельс, к перенятию в руки общества производственного аппарата, созданного капитализмом, а в разрушении этого аппарата путем насильственного разъединения, дезорганизации тех субъективных факторов производства, иерархическая координация которых составляла основу капиталистической организации. Технические заведующие, администротары, организаторы, выкидываются из фабрик; специалисты, квалифицированные рабочие, низводятся с привиллегированных мест, от всей прежней организации фабрики не оставляется камня на камне.

Без такого разрушения, такого насильственного разъединения субъективных фак-

торов производстве, немыслимо, по Бухарину, пролетариату разбить социальное сопротивление этих факторов его диктатуре.

С капиталистическим производством гражданская война поступает так, как она поступила с царской армией: разложение до конца, до полного распада, и тогда лишь новое созидание с использованием тех же старых элементов организации, после того как они террором приведены к одному знаменателю и голодом вынуждены покорно служить победителю.

Что при таком ходе вещей материальная культура может быть отброшена на несколько поколений назад,—это бесстрашный Бухарин вполне допускает и сам оговаривает. Но на меньшем его теория социальной революции не мирится. Разрушение „до нуля", а затем строительство „от нуля" — это и есть то, что отличает коммунистическую революцию от социал-предательской революции Гильфердинга, Каутского, О. Бауэра..

Не лишено вероятия, что фабрикуя эту теорию, Н. Бухарин уже состоял членом тайного ордена „Бов" (боевого отряда весельчаков) и выполнял лишь задание по мистификации почтеннейшей публики. Несомненно, что муза Маяковского участвовала в рождении этой теории, почему, может быть, и родилось нечто столь „простое, как мычание". Но мистификация, во всяком случае, удалась, и теория была принята в серьез всей партией и стала официальным руководством для всех насадителей коммунизма во вновь аннексируемых областях.

Когда же на практике выяснилось, что аппарат, приспособленный к приведению существующей промышленности в „нулевое" состояние, абсолютно непригоден для „строительства от нуля",—тогда началось то похмелие, которого выражением является новая брошюра Ленина «О продналоге. Значение новой политики и ее условия".

Вся брошюра представляет—не смотря на ряд «диверсий" для отвода глаз, в сторону меньшевиков и эс-эров—ни что иное, как полемический памфлет против русских коммунистов, против их теоретических предрассудков и утопических представлений о ходе общественного развития. Глава и основатель коммунистической партии выступает в роли безжалостного разрушителя ее основных положений.

Политическое значение этой брошюры заключается в том, что она является литературным отражением предстоящей классовой борьбы между различными социальными силами, образовавшимися и сформировавшимися в ходе глубоких потрясений народного хозяйства, произведенных тремя годами большевистской революции. Ленин, стремясь спасти власть своего диктаторского кружка ценой коренного разрыва с коммунизмом, выступает здесь, как выразитель интересов не-коммунистической части советской бюрократии, „спецов", и „примазавшихся" к государственной власти интеллигентов, «советских буржуа», нового поколения дельцов, хозяйственных мужичков и т. д. В противоположность ему, коммунистически-ортодоксальное течение отражает (вместе с наивными утопическими чаяниями наименее сознательных или революционно-фанатизированных рабочих) еще и кровные интересы тех групп, которые связаны с всесторонней опекой над всей хозяйственной жиз-

нью, с экономической диктатурой над производителем и потребителем. Продовольственники, исполкомщики, совнархозники, профессионалистские бюрократы, чекисты, члены ком-ячеек в советских учреждениях, вся эта многотысячная рать, в значительном большинстве неспособная применяться к условиям „свободного экономического оборота", роковым образом осуждена на отстаивание несостоятельного statu quo или на попытки его реформирования в духе ещё большего утопизма, —в направлении «всеобщей милитаризации».

Духом этой надвигающейся классовой борьбы проникнута книжка Ленина; вне ее пафос, а не в тех беззубых угрозах по адресу „меньшевиков и эс эров", которыми она обильно уснащена.

Апология капитализма.

Намечаемая Лениным политика включает следующие элементы:

1. Продналог и свобода торговли хлебом.

2. Развитие „кооперативного капитализма" в виде «кооперации мелких товарных производителей».

3 Развитие мелкой промышленности, не зависящей от государства, в получении сырья ,топлива и продовольствия.

4. Сдача в аренду капиталистам на началах, подобных концессионным, принадлежащих государству заводов, промыслов, участков леса, земли и т. д.

5. Привлечение торговцев к обмену между государством и мелкими производителями.

Правящей коммунистической партии, при принятии этой программы, придется не только терпеть, но и активно насаждать товарно-капиталистические отношения на пустом месте, образовавшемся после экспериментов утопического коммунизма. Так, например, вот какое наставление дается коммунисту продовольственнику (стр. 22—23):

„Всячески и во чтобы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма". А потому: „продовольственный работник до сих пор знал одну основную директиву: собери 100% развертки. Теперь директива иная: собери 100% налога в кратчайший срок, затем собери еще 100% обменом на продукты крупной и мелкой промышленности. Тот, кто соберет 75% налога и 75% обменом... сделает более полезное дело,—чем тот, кто соберет 100% налога и 55% обменом. Постарайся так направить кооперацию, так пособить мелкой промышленности, так развить почин, инициативу на местах, чтобы увеличился оборот земледелия и промышленности.

Чтобы побудить коммунистов заняться таким делом, как поощрение торгового почина крестьян и кустарей, приходится вбить им в головы целый ряд новых для них истин. Ленин не устает это делать.

Попытка „запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, не государственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма... была бы глупостью и самоубийством для той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах".

Ленин „кивает на Петра". „Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов „помышлением, словом и делом грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от таких ошибок исправиться. Непре-

менно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет".

Говоря о необходимости привлечения частного капитала к торговле и сдачи частным предпринимателям в аренду фабрик, промыслов, лесов и земли, Ленин, мило наивничая, удивляется:

„Об этих двух последних видах государственного (!) капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают".

С лета 1919 г., когда наша партия издала листок „что делать?", в котором излагала свою экономическую программу, включавшую также и эти „два вида государственного капитализма", о них большевики, с Лениным во главе, говорили только для того, чтобы заклеймить эти две меры, как злостное предательство пролетариата.

Но Ленин откровенно объясняет, почему не говорили. «Не потому, чтобы мы были сильны и умны; а потому, что слабы и глупы (последнее уже давно не вызывает сомнений и посторонних Л.М.). Мы боимся посмотреть прямо в лицо низкой истине и слишком часто отдаем себя во власть нас возвышающему обману».

Этот возвышающий обман заключается в предполагании, будто „мы" переходим от капитализма к социализму". Эту иллюзию Ленин разбивает самым категорическим образом:

„К Северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на Дону и Саратова, к югу от Оренбурга и Омска, к северу от Томска идут необъятные пространства, на которых уместились бы громадные культурные государства. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России?

Везде, где десятки верст проселка—вернее десятки верст бездорожья—отделяют деревню от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах та же патриархальность, обломовщина, полудикость?"

От этой патриархальности, заявляет Ленин, немыслим непосредственный переход к социализму. То есть, оговаривается он, теоретически мыслим... при помощи „электрофикации", которую заметим, рабочие уже давно прозвали „электрофикцией или электромистификацией", ибо она до сих пор для того и служила Ленину, чтобы оправдать политику прямого курса на социализм от „полудикости". Но теперь Ленину не до шуток и он, воздав должное „элекрофикации" в теории, признается, что „только для работ первой очереди" в этой области потребуется десяток лет. А пока... „на ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчать переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму". И прежде всего надо перестать «сбиваться на рассуждение: капитализм есть зло, социализм есть благо... Это рассуждение неправильно, ибо оно забывает всю совокупность наличных общественных условий, выхватывая только два из них» (стр. 20).

И, к изумлению и ужасу своей паствы, Ленин раскрывает секрет: „капитализм есть зло по отношению к социализму, капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы не в

силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постолько капитализм неизбежен, в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм" (стр. 20-21).

Что остается от коммунистической догмы после этого признания прогрессивной роли капитализма в современной России, после трех лет всеобщей национализации?

И заметьте: всей своей мысли Ленин здесь не договаривает. Из его тезиса вытекает и свобода торговли, и устранение препятствий к развитию мелкой промышленности. Но, ведь, в его программу входит и частичная передача капитала «социализованной» крупной промышленности. По отношению к ней то капитализм является, ведь, «злом»? Казалось бы, так. Но, если мы вспомним, что сдачу концессий капиталистам он оправдывает тем, что доля продукта, которую концессионер будет отдавать государству, будет много значительнее всего продукта, который ныне государство умеет само извлечь; если вспомнить признание Рыкова, что «мы» удерживали монополию в производстве только ценой подавления всего „более талантливого и толкового", и изречение Милютина, что „мы" уподоблялись часто „собаке на сене",—то станет ясно, что по Ленину капитализм есть благо, не только по отношению к „средневековью", патриархальной деревне, но и по отношению к тому реставрированному средневековью, которое, в виде карикатуры на социализм, создали в крупной промышленности большевики.

Провозглашая отныне необходимость свободного соревнования в производстве между капиталом, кооперацией и государством, Ленин откровенно высказывает убеждение, что „редким исключением" будет тот случай, когда какая нибудь хозяйственная задача будет лучше выполнена „чисто государственным, чисто коммунистическим путем" по сравнению с путем частно-капиталистическим и кооперативным (стр. 23).

Да и вообще, критерием экономической политики отныне объявляется наибольшая производительность. „Кто достигнет наибольших результатов, хотя путем частно-хозяйственного капитализма, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот принесет делу всероссийского социалистического строительства больше пользы, чем тот, кто будет „думать" о чистоте капитализма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать" (стр. 24).

Увлекшись апологией „оборота" наш отставной коммунист доходит до защиты... спекуляции.

„Между прочим, как мелкое, но имеющее все же значение обстоятельство, надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе со спекуляцией. «Правильную» торговлю, не уклоняющуюся от государственного контроля, мы должны поддержать, ее выгодно развить. А спекуляцию нельзя отличить от „правильной" торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно". По этому совнарком уже постановил „пересмотр законов о спекуляции" (стр. 26).

Это конечно вздор. Практическая и экономическая политика всегда умела и всегда будет уметь отличать между торговлей и спекуляцией, хотя элемент спекуляции (расчета с неизвестными величинами) и имеется во всякой торговле. Но она имеется в большей или меньшей или минимальной степени. Когда „количество переходит в качество“ обычная торговля превращается в спекуляцию, становится явлением антисоциальным даже в обществе основанном на торговле.

Но в этом вздоре в устах Ленина есть зерно истины. И даже целых два. Во первых, он пишет в той стране и о той стране, которая тремя годами большевитской политики доведена до состояния катастрофической разрухи, при которой всякая самая простая операция обмена сопряжена для товаровладельца со столькими „иксами“ со столькими неизвестными факторами—от ежедневных скачков валюты до риска подвергнуться реквизиции, конфискации, быть подстрелену заградительным отрядом, быть расстрелену чекистами, умереть от сыпного тифа и т. д.,—что действительно в этих условиях всякий торговец и промышленник должен „спекулировать“. А во вторых, после того. как коммунистическая мудрость три года твердила: всякая торговля есть спекуляция, а потому смерть торговцам, после того, как советскую служащую судили по обвинению в спекуляции за то, что она пыталась выменять полученную от казны пайковую соль на несколько фунтов хлеба для голодных детей,—после этого приходится брать под защиту самую злостную спекуляцию, лишь бы отстоять перед коммунистами право товаропроизводителя на элементарный акт обмена равноценностей. Чтобы выпрямить перегнутую палку приходится ее вновь перегибать в противоположную сторону...

Коммунисты против Ленина.

Подробностей борьбы внутри коммунистической партии и государственного аппарата во круг „новой политики“ мы не знаем и, может быть узнаем нескоро. О том как интенсивна эта борьба, свидетельствует не только запальчивый тон Ленинской брошуры, но и небыв факт свержения съездом совнарх. и профсоюзов главных сторонников новой политики руководителей В.С.Н.Х. Рыкова, Милютина и Ломова, и введение в президиум этого центра таких „левых ребят“ как Шляпникова и Сапронов. Внимательный же просмотр советской прессы дает нам полную возможностью наблюдать, как все еще руководимая коммунистами грандиозная бюрократическая машина Советского государства на каждом шагу саботирует все, возвещенные Лениным реформы.

„В заседании Президиума В.Ц.И.К. 19 мая (см. „Правда“ № 109) Дрожжин сделал доклад о препятствиях, чинимых местными Губисполкомами представителям московских рабочих кооперативов по закупке и обмену ими на привезенные товары продовольствия.

В результате встреченных на местах затруднений, а кое-где и прямого запрещения производить закупки, из 900 организаций пока ни одна не привезла продовольствия, но зато десять из них вернулось, вместо продовольствия, с запретительными резолюциями“. В частности в Оренбурге „было постановлено привезенные москвичами товары обратить в общий фонд, что противо-

речит прямому смыслу декрета, разрешающего обмен.“ Против индивидуальных „мешечников, срывающих установившиеся отношения и цены“ т. е. декрета о свободе торговли, „издаются местными органами такие ограничительные запрещения, которые являются явно нецелесообразными и нарушающими декреты советской власти (например в Уфе не разрешена закупка впредь до окончания посевной компании)“.

Президиум постановил „запросить“ губисполкомы, „что им сделано для проведения в жизнь распоряжения Наркомпрода, и кем именно чинятся затруднения представителям кооперации.“

В это же самое время (см. „Известия“ № 105) Ростовский на Дону краевой экономический совет решил более оригинальным способом саботировать возвещенную в Москве свободу торговли хлебом. А именно—„для увеличения кадров строительных рабочих, а также для разгрузки ростовского железнодорожного узла, вербовать рабочих из числа прибывающих с Севера и задержанных мешечников-одиночек“. Своеобразное толкование ленинской заповеди: „пуще всего содействуй обороту“.

Но не надо думать, что саботаж производится только на местах. В самом центре коммунистическая бюрократия парализует основную реформу. Краеугольным камнем новой политики является сведение функций Наркомпрода к взиманию продналога и передача всего дела товарообмена Центросоюзу. Но наркомпрод не сдается. Уже в апреле А.М. Лежава вопил по поводу того, что Наркомпрод не передает Центросоюзу своих товарных фондов. В конце мая советская печать оглашается подобными же воплями (напр. в статье Г. Крамарова) Правительство может издавать какие угодно декреты; Наркомпрод в ус себе не дует и твердо держится охарактеризованной Милютиным традиции „собаки на сене.“

Все яснее становится, что „новая политика“ может проводиться только против значительной части коммунистов, только в борьбе с ней. И это понятно, ибо не только утопические предрассудки большевитских „средняков“, но и сильные интересы стоят за старой политикой.

Либо „новая политика“ будет сведена на нет инерцией государственного механизма и сопротивлением коммунистического средняка и оставит по себе лишь разрозненные, с общей системой не связанные мероприятия, не способные в отдаленной степени остановить экономическую катастрофу; либо она восторжествует на развалинах нынешней Р.К.П.

Заслуга Ленина в том, что, против своей воли, он вскрывает своими выступлениями экономическую невозможность дальнейшего существования диктатуры коммунистической партии.

Заслуга саботирующих реформы Ленина коммунистов —в том, что они блестяще иллюстрируют невозможность сохранения этой партийной диктатуры путем отказа от коммунистической программы, к чему их призывает Ленин, стремящийся превратить диктатуру коммунистов в некоммунистическую диктатуру большевиков.

Трагический конфликт с комической развязкой.

Все старания Ленина направлены к тому, чтобы убедить нынешнюю Р.К.П. перестать быть коммунистической, чтобы сохранить в своих ру-

ках партийную диктатуру в качестве „просто большевиков“.

Но такой переход „на новые рельсы“ мыслим для отдельных людей, он не мыслим для целой массовой партии, стремления, цели и самые предрассудки которой глубоко заложены в социальной действительности, в социальных интересах.

Политическая задача, которую поставили себе Ленин и ближайшие его единомышленники, является неразрешимой.

Какие же другие выходы дает им жизнь?

В 1917 г. в предвидении неуспеха, большевики любили говорить о том, „как они уйдут, хлопнув двери“. Теоретически этот выход имеется и теперь. „Подкинуть“ эс-рам и меньшевикам дело расхлебывания созданного большевиками хаоса, заставить их взять на себя „грязное“ дело активного содействия капитализму—чем не исход из трагического положения!

Однако, три с половиной года стояния во главе государства выработали в правящем слое большевитской партии „вкусь к власти, сопровождаемой естественной иллюзией, что „кроме нас некому“, что „либо диктатура большевиков, либо диктатура романовых“. Не мудрено, что Ленин и его единомышленники проникнуты ныне тем самым чувством ответственности, которое было и у Вильгельма II, когда он до последней минуты был уверен, что даже „позорный“ мир с Антантой он сумеет лучше подписать, чем его неверные поданные. При столь высокоразвитом чувстве ответственности перед родиной Ленин и готов скорее своими руками творить «грязное» дело восстановления капитализма и укрепления крестьянской собственности, чем во имя соблюдения принципов, предоставить это грязное дело другим.

По этому о „хлопании дверьми“ ныне не слышно.

Возможен—опять таки теоретически—выход в перенесении политической опоры с коммунистической партии на совокупность трудящихся классов—рабочих и крестьян. Но Ленин знает, что роль подобной опоры эти классы смогут сыграть лишь в качестве политически самодеятельных масс, так, как они его сыграли в конце 1917 года, когда на гребне массового подъема большевики стали у власти. Но это значить встать на путь демократии, начать со свободных советов, свободы печати и т. д., чтобы притти к действительному участию народа в государственном управлении, к действительной ответственности правительства, и свободной организации масс для преодоления сопротивления коммунистов новой экономической политике и для отстаивания массовых интересов против той буржуазной эксплоатации, которая восстановлена при проведении этой политики.

Нечего и говорить, что этот путь для Ленина неприемлем. Враждебность демократии в нем сидит глубже, чем вера в коммунизм. И в момент, когда, он пытаясь радикально ломать экономическую политику, фактически порывает с коммунизмом, он прежде всего заявляет, что диктатура большевиков именно при такой ломке должна остаться неприкосновенной.

„Лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно немного вправо или немного влево, а остальное приложится; в этом Милюков совершенно прав“, заявляет он (стр. 28). И требует только

сохранения во всей силе террористической диктатуры, не только возвещает безпощадное преследование социалистов, но и ополчается на тех своих товарищей, которые продолжают вчера еще модную игру с „беспартийными".

„Меньшевики и эсеры научились теперь перекрашиваться в беспартийных... И только дураки могут теперь не видеть, что нам нельзя давать себя одурачивать. Беспартные конференции теперь не фетиш. Они ценны, если можно сближаться с массой, еще незатронутой... но они вредны, если дают платформу меньшевикам и эсерам... Можно и должно найти другие способы проверки настроения масс и сближения с ними» (стр. 29). Словом «зелен виноград». И, сердясь, что не все коммунисты понимают опасность игры с беспартийными, Ленин уже уготовляет этим „дуракам" участь меньшевиков и эсеров. „Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредиловки, в беспартийные конференции Отправляйтесь туда к Мартову, милости просим, испытайте прелести „демократии"... сделайте одолжение. А нам не до игры в „оппозицию на беспартийных конференциях" (стр. 30).

Что остается?

Остается только один выход: превращение коммунистической диктатуры в банапартистскую.

Диктатура партии, кровными интересами связанная с политикой утопического коммунизма, не может служить орудием политики, „разделывающей" коммунизм и расчитанной на востановление капитализма.

Замена диктатуры самоуправлением народа, демократией, не приемлема.

При таком положении банапартизм остается единственным выходом, который может удаться.

В стране, где масса населения состоит из экономически-распыленных крестьян „середняков", где пролетариат большевистской экономической политикой ослаблен в пять раз по сравнению с 1917 г.; где новая „советская буржуазия только оформляется, а старая буржуазная интеллигенция частью расточена, частью истощена голодом; где 3½ года большевистского террора политически атомизировали граждан, и где на фоне этого атомизированного состояния общества красуется громадная пирамида военной и гражданской бюрократии,— в такой стране можно думать о банапартистской диктатуре, пытающейся собственными силами бюрократически-организованной государственной власти решать, балансируя между классами, ставшие неотложными экономические задачи.

Ленинская новая экономическая программа при условии проведения ее в борьбе с социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством, при условии сохранения бесправия народных масс и есть программа банапартистской военнобюрократической диктатуры.

И когда видишь, как в своих писаниях и речах Ленин беспомощно барахтается, убеждая коммунистического середняка согласиться на антикоммунистическую политику, чтобы тем избавить его от необходимости перейти через партию, то невольно хочется ему крикнуть:

„Опускайтесь, куме, на дно, не теряйте силы".

Через «экономический термидор» шагайте прямо к политическому „18-му брюмера".

БИБЛ... ЕКА
...